

3. Подопригора Р.А. Правовое регулирование в сфере религии в постсоветском Казахстане: подходы и последствия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-v-sfere-religii-v-postsovetskom-kazahstane-podhody-i-posledstviya> (дата обращения: 03.04.2022).

4. Казахстан первым в СНГ принял меры по внедрению исламского финансирования на законодательном уровне. URL: https://www.inform.kz/ru/kazahstan-pervym-v-sng-prinyal-mery-po-vnedreniyu-islamskogo-finansirovaniya-na-zakonodatel-nom-urovne_a2710967 (дата обращения: 04.04.2022).

5. Официальный сайт «Ассоциация Халал индустрии Казахстана». URL: <https://halal-kz.kz/ru/o-nas> (дата обращения: 02.04.2022).

6. Арабская трагедия: причины, уроки и выводы. URL: https://www.inform.kz/ru/arabskaya-tragediya-prichiny-uroki-i-vyvody_a2663761 (дата обращения: 04.04.2022).

7. Лаумулин М. Т. Геополитические процессы в исламском мире (в контексте председательства РК в ОИК): монография. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2011.

8. Жакыпов Е. Сомнительные религиозные учебные заведения за границей. Официальный сайт Духовного управления мусульман Казахстана. URL: <https://kazislam.kz> (дата обращения: 04.04.2022).

9. Жусан: Обзор и итоги гуманитарной операции. URL: <https://kazislam.kz/zhusan-obzor-i-itogi-gumanitarnoj-oper/> (дата обращения: 05.04.2022).

10. Операция «Жусан» – благодарность за новую жизнь. Официальный сайт КНБ РК. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/knb/press/article/details/42716?lang=ru> (дата обращения: 03.04.2022).

11. В Генпрокуратуре назвали предварительное число жертв массовых беспорядков и террористических атак. URL: <https://informburo.kz/novosti/v-genprokurature-nazvali-chislo-zhertv-massovyh-besporyadkov> (дата обращения: 02.04.2022).

12. Сторонники радикальной ячейки «Йакын Инкар» оказались в числе задержанных в ходе беспорядков в Казахстане. URL: https://ru.sputnik.kz/society/20220127/19223530/Chleny-ekstremistskoy-organizatsii-Yakyn-Inkar-byli-zaderzhany-vKazakhstane.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 02.04.2022).

КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТА СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР

К. Е. Кожухова

*Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, 119034, г. Москва, Россия, kira.kozhuhova@mail.ru*

В статье рассматривается китайская стратегическая культура как детерминанта современной внешней политики Китайской Народной Республики. Исследование китайской стратегической культуры с позиции влияния традиционных философских

убеждений китайцев раскрывает «подводный поток» китайской внешней политики с учетом китайского стратегического мышления, которое остается неизменным в течение многих веков.

Ключевые слова: политический институт; стратегическая культура; внешняя политика; политическая коммуникация; Китай.

CHINESE STRATEGIC CULTURE AS A DETERMINANT OF MODERN FOREIGN POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

K. E. Kozhukhova

*Moscow State Linguistic University
Ostozhenka str., 38, 119034, Moscow, Russia, kira.kozhuhova@mail.ru*

The article examines the Chinese strategic culture as a determinant of the modern foreign policy of the People's Republic of China. The study of Chinese strategic culture from the perspective of the influence of traditional philosophical beliefs of the Chinese reveals the “undercurrent” of Chinese foreign policy, taking into account Chinese strategic thinking, which has remained unchanged for many centuries.

Keywords: political institution; strategic culture; foreign policy; political communication; China.

На сегодняшний день проблема изменения национальной идентичности и культуры и влияние этих изменений на стратегические культуры отдельных стран и регионов всё больше привлекает внимание тех исследователей, интересы которых сосредоточены на сфере национальной безопасности. В современной нестабильной политической обстановке проблема национальной безопасности является одной из ключевых, и именно поэтому изучение её составных элементов является крайне актуальным.

Очевидно, что наиболее востребованным является изучение стратегических культур тех стран, которые являются весомыми акторами мирового политического процесса. Среди них заслуженно присутствует и Китайская Народная Республика.

Китайская Народная Республика является страной с древней и своеобразной стратегической культурой. В истории этого государства были периоды возвышения и периоды спада, долгое время Китай не являлся суверенным государством в связи с интервенцией различных государств. На данный момент, очевидно, что Китай переживает очередной период подъёма, в скором времени это государство должно

обойти США по темпам экономического роста и стать первой экономикой мира.

Чтобы понять принципы стратегической культуры Китая и ее влияние на внешнюю политику, важно взглянуть на историю китайской цивилизации. По словам Аластера Яна Джонстона, политическое поведение Китая невозможно понять без ссылки на исторический или культурный прецедент [1].

Стратегическую культуру Китая можно разделить на три уровня. Первый уровень – китайская философия. Второй уровень – национальная стратегическая культура Китая. Третий уровень – военно-стратегическая культура Китая и влияние иностранной стратегической культуры [2]. Эти три компонента оказали немаловажное влияние на стратегическую культуру Китая и продолжают оказывать влияние до сих пор.

На протяжении тысячелетий Китай имел несколько отличительных черт. В дискуссии о концепции китайской цивилизации возникают четыре нарратива. Во-первых, Китай является срединным государством (中国), которое отражает оборонительное начало внешней политики и ориентацию на внутри страну. Во-вторых, Китай позиционирует себя завоевателем (大中国), что отражает доктрину экспансионизма внешней политики Китая. В-третьих, Китай считает себя страной-преобразователем (大中华), что отражает ревизионистское поведение с акцентом на глобальные преобразования. В-четвертых, Китай позиционирует себя как страна, которая стремится установить свою национальную идентичность в любой точке мира.

В соответствии с этими нарративами, можно утверждать, что современная внешняя политика Китая отражает оборонительную, экспансионистскую стратегию.

Активное введение в современную идеологию КНР конфуцианской мысли является важным аспектом современной китайской общественной жизни, участие государства и общества в возрождении также является ключевым аспектом отношений Китайского государства и общества в целом [3, p. 45].

Корни современной стратегической культуры КНР восходят к конфуцианской философии, которая доминировала в мышлении и управлении со времен династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Хотя буддизм и даосизм имеют сильное влияние, конфуцианство является наиболее важной доктриной. Конфуцианство, возможно, является первой вехой, которая определяет китайское государство с тех пор, как империя у произошла от династии Хань [4].

Конфуцианская философия влияет на то, как Китай видит войну. Несмотря на то, что многие китайские аналитики утверждают, что

конфуцианская этика ориентировано на мирное сосуществование, а не на захватническую культуру, это не ограничивает применение силы Китаем [5]. Конфуцианство рассматривает иерархию как идеальную черту международного порядка. Он также поддерживает стратегию централизации, которая оправдывает китайскую центральность в мире. Эта стратегия сохраняет центральное значение Китая для устойчивого распределения сетевых связей в целях повышения его известности и влияния. Если этот вид отношений нарушается другими в глазах Китая, то для восстановления порядка необходимо принуждение [6].

С этой точки зрения азиатские международные отношения подчеркивали формальную иерархию между нациями, обеспечивая при этом значительное неформальное равенство. Китай выступает как центральное государство в окружении периферийных государств как «вассалов». Эта парадигма резко контрастирует с западной традицией международных отношений, которая состояла в формальном равенстве национальных государств, неформальной иерархии и почти постоянном межгосударственном конфликте [7].

Конфуцианская этика рассматривает важность дипломатии в разрешении споров между странами. Вооруженные силы будут использоваться как мера самообороны, а не нападения на другую страну. Военные являются инструментом борьбы с внешними угрозами и будут использоваться оборонительно и ограниченно. Это предполагает, что Китай рассматривает военную силу как эффективный инструмент создания безопасности. Однако следует отметить, что китайский принцип самообороны, достигнутый с помощью вооруженных сил, является центральным в дипломатическом поведении [8].

Немаловажное влияние на стратегическую культуру КНР, а впоследствии и на внешнюю политику Китая имеют 36 классических стратагем. «Тридцать шесть стратагем» – древнекитайский военный трактат, в виде собрания стратегических приёмов, хитрых тактических ходов, применяемых в военных действиях, интригах, разного рода конфликтах. Стратагема (с древнегреч. – военная хитрость) – алгоритм поведения, просчитанная последовательность действий, направленных на достижение скрытой цели, получения преимущества и перехвата инициативы с обязательным учётом психологии противника, его положения, обстановки и других особенностей ситуации. Понятие стратагема существует в культуре Китая не менее трёх тысяч лет.

Некоторые древние китайские стратагемы до сих пор влияют на современную стратегическую культуру КНР. К примеру, можно выделить три: 1) 远交近攻: сотрудничать с дальней страной, чтобы нанести удар по ближней стране; 2) 以夷制夷: использовать варвара,

чтобы обмануть другого варвара; и 3) 避实击虚: чтобы избежать сильных – атаковать слабых [9].

Другим элементом, который представлял китайский способ ведения войны, была пропаганда асимметричной стратегии в войне. Эти элементы взаимосвязаны с общим менталитетом, который способствует использованию обмана и хитростей. Иными словами, при ведении войны асимметрия представляла собой один важный элемент, заключавшийся в умении гибко перемещать армию в разные стороны с конечной целью атаковать противника врасплох [10]. Таким образом, с 2012 г. военно-гражданский синтез превратился в целостную стратегическую концепцию. В ней подчеркивается сочетание всех аспектов общества наряду с «пятимерной» (五维一体) войной, характеризующейся борьбой за превосходство в наземной, морской, воздушной, космической и информационной областях.

Китай с увеличением мощности на военном и экономическом уровнях увеличил свой потенциал на международной арене. Начиная с 2013 г., наряду со стратегическим принципом активной обороны, была разработана новая теоретическая концепция «защита переднего края». Основная идея заключается в расширении стратегической области интересов, проецируя китайскую мощь за пределы своих территориальных вод до создания «дугообразной стратегической зоны, охватывающей западную часть Тихого океана и северную часть Индийского океана». При этом Китай мог бы использовать этот район как «стратегическую внешнюю линию», военные операции которой будут поддерживаться «операциями с материком и прибрежными водами в качестве стратегической внутренней линии». Это стратегическое видение часто называют «использованием земли для контроля над морем и использованием морей для контроля над океанами» (以陆制海, 以海制洋). Это также было отражено в Белой книге 2015 г., в которой наряду с традиционным принципом «обороны ближнего моря» был добавлен еще один: «защита Дальнего моря» (远海护卫).

Стратегическая идея активной оборонительной войны – это ключевой момент военной стратегии коммунистической партии Китая. НОАК реализовывала принцип оборонительной политики, самозащиты и ответного удара, иначе выражаемый формулой «Нас не тронут – мы не тронем, и если мы атакуем, то это обязательно контратака» [11].

Современную политику КНР можно ознаменовать как расчётливую (авторы Белой книги 2015 г. называют ее «активной»). Элементами этой политики являются ориентация без опоры на идеологию на экономический рост, поддержание дружественных отношений со всеми странами, главным образом с ведущими державами. Китай старается не применять силу, при

этом постоянно происходит модернизация вооруженных сил. Китай также стремится к вовлечённости в региональные и глобальные межгосударственные связи с целью получения выгоды.

Между тем, на данный момент можно наблюдать весьма агрессивную деятельность КНР в Восточно-Китайском море, демонстрацию военной силы, создание искусственных островов. Всё это является признаком того, что Китай намерен отстаивать своё лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе вопреки интересам США и их союзников, Японии и Южной Кореи. Китай не демонстрирует открытой враждебности, как это делает КНДР, поэтому обвинить его в немирнолюбивой политике крайне проблематично, а следовательно, проблематично принизить статус Китая в глазах мирового сообщества.

Анализ Белой книги Китая во взаимосвязи с внешнеполитическими действиями КНР позволяет сделать вывод, что традиционная китайская философия и политическая мысль до сих пор имеет сильное влияние на поведение данной страны на международной арене, а также на стратегическое планирование внешней политики.

В настоящее время наиболее вероятной моделью развития большой стратегии Китая на данный момент является его превращение в «активное» государство. Китайцы помнят о былом величии своего государства и стремятся к возрождению этого величия, хотят смыть позор многовекового унижения. Велико их желание создать мир, где Китай будет срединным государством, вокруг которого будет строиться вся мировая политика. Китай стремится к тому, чтобы ни одна глобальная проблема не обходила их стороной, чтобы Китай обладал решающим правом голоса. В связи с этим следует тщательно изучить направления стратегической культуры современного Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Johnston A.I. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton: Princeton University Press, 1997.
2. China's strategic culture and its impacts on China's security thinking. URL: <http://press-files.anu.edu.au/downloads/press/p61661/mobile/ch09s07.html> (date of access: 02.03.2022).
3. Pang Q. State-Society Relations and Confucian Revivalism in Contemporary China. Palfgrave Macmillan, 2019.
4. Lihua, Zhang, Chinese traditional values and modern foreign policy, Carnegie Tsinghua (15 January 2013). URL: <http://carnegietsinghua.org/publications/?fa=50629> (date of access: 02.03.2022).
5. Wang, Yuan-kang, Harmony and war: Confucian culture and Chinese power politics. New York: Columbia University Press, 2011.
6. Zhang, Feng, Chinese hegemony: grand strategy and international institutions in East Asian history. Stanford: Stanford University Press, 2015.

7. Christopher P. Twomey. Chinese strategic cultures: survey and critique // fas.org, 2016. URL: <https://fas.org/irp/agency/dod/dtra/chinese.pdf>
8. Thomas G. Mahnken. Secrecy & Stratagem: Understanding Chinese Strategic Culture // The Lowy Institute for International Policy, 2011. URL: https://archive.loyinstitute.org/sites/default/files/pubfiles/Mahnken%2C_Secrecy_and_stratagem_1.pdf (date of access: 02.03.2022).
9. Воеводин, В Стратегемы. Стратегии войны, бизнеса, манипуляции, обмана. М.: Изд. группа «Эт Сетера», 2004.
10. Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. М.: Эксмо, 2004.
11. 中国的军事战略 // 中央政府门户网站, 2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm (date of access: 02.03.2022).

ПРАВОВОЙ СТАТУС И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗОРОАСТРИЙЦЕВ КАК РЕЛИГИОЗНОГО МЕНЬШИНСТВА В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

В. О. Лещенко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220006, г. Минск, Беларусь, oleglesh010@gmail.com*

В пределах национальных границ каждого государства проживают группы лиц, характеризующиеся религиозными особенностями, отличающими их от большинства населения. Учитывая тот факт, что в современно политическом дискурсе иранцы-шииты со стороны арабов отождествляются с зороастрийцами, а точнее с маджусами (кораническое понятие, используемое как собирательное название для приверженцев зороастризма), в данной статье рассматривается отношение самих иранцев к зороастрийцам после победы Исламской революции. В работе изучаются права последователей зороастризма, закрепленные в Конституции и других законодательных актах ИРИ, проанализированы взгляды самих зороастрийцев касательно занимаемого ими социального положения, приведены мнения исламского руководства касательно представителей зороастрийского религиозного учения и правомерности причисления их к религиозному меньшинству.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран; религиозное меньшинство; зороастрийцы; правовой статус; социальное положение.